

УДК 94(47)''13'':061.75(045)

*Р.А. Соколов***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ДМИТРИИ ДОНСКОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹**

Общественное восприятие исторического образа Дмитрия Донского, сложившееся в средневековый период, получило дальнейшее развитие в имперскую эпоху. Актуальной оставалась символическая связь этого князя с Александром Невским, по-прежнему не ставился вопрос о возможной канонизации победителя Мамаю. Образ князя прочно вошел в идеологическую систему координат Российской империи, а отсутствие официально признанного «статуса» позволяло государству использовать его там, где изображение того же Александра Невского появиться не могло (например, на денежных знаках). Это же способствовало тому, что исторический опыт Дмитрия Ивановича положительно воспринимался некоторыми антимоноархически настроенными деятелями культуры (К.Ф. Рылеев). При этом Дмитрий не был национальным героем первого плана и всегда оставался в тени своего потомка – Александра Невского, намного более широко почитавшегося и на государственном, и на церковном уровне.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, историческая память, история Российской империи, история России, Куликовская битва, национальные герои России.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-58-69

Историческая память о Дмитрии Донском в первые три столетия после его смерти имела светский характер, и вопрос о его канонизации не ставился даже в эпоху правления Ивана Грозного, относившегося к этому национальному герою с особым пиететом [7, с. 483]. Причиной тому могла стать достаточно волонтаристская политика в области высшего церковного управления, проводимая великим князем при жизни. Не случайно, Вассиан Рыло, ставя Дмитрия в своем послании 1480 г. в пример Ивану III, все же не забыл упомянуть и некоего «перваго *его съгрешения*» [32, с. 392], под которым, конечно, следует понимать «вольное» обращение с поставленными в Константинополе митрополитами. Не изменило ситуацию и то, что еще с конца XIV в. возможно проследить начало установления своего рода символической связи Дмитрия Ивановича с его не менее знаменитым предком – Александром Невским, почитавшегося в качестве местночтимого, а с 1547 г. и общерусского святого. Исходной точкой «соотнесения» их деятельности стала новая редакция Жития Александра, дополненного после Куликовской битвы описанием чуда небесной помощи победителю Мамаю [19, с. 27 (вторая пагинация); см. подробно: 45, с. 210-211]. В XVII в. обозначилась тенденция представителей некоторых дворянских родов, стремившихся удреветь собственную «породу» с помощью создания родословных легенд, «искать» предков среди тех, кто поступил на службу именно к Дмитрию Донскому [22, с. 101]. Конечно, это стало еще одним косвенным признанием значимости исторической памяти об этом великом князе.

Исторические примеры стали играть особенную роль в эпоху Петра, когда «Россия молодая», проходя через горнило тяжелейшей Северной войны, возрождала и приумножала свою мощь и силу. Об этом не однажды вспоминали близкие к государю проповедники в своих обращениях к верующим. В этом плане особенно выделялся образ Александра Невского – святого-воина, который воевал с тем же, что и Петр Великий, врагом (шведами) и к тому же был почитаемым святым [44, с. 18-24]. Но и подвиг Дмитрия Донского не был забыт, хотя упоминали о нем, как правило, все же одновременно с Александром Ярославичем, отдавая последнему приоритет. Именно так поступил, например, в одном из своих «слов» к пастве Гавриил (Бужинский) [34, с. 505] (после перенесения мощей Александра Невского в 1724 г. ему будет поручено составить новую службу этому святому).

Еще один видный иерарх петровской эпохи, Феофан (Прокопович) включил изображение Дмитрия Донского в созданное в 1716 г. по приказу государя аллегорическое изображение генеалогии царя, одновременно прославляющее победы русской армии в Северной войне. Выполнено оно было в виде изготовленной П. Пикартом гравюры, на которой были представлены в виде лестницы одержанные над врагом «виктории», и каждой ее ступени соответствовало несколько портретов

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-48-04402: «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

прежних великих князей или царей. Дмитрий Донской располагался на ней в третьем ряду, на одном уровне с Александром Невским [подробно о гравюре П. Пикарта и истории ее создания см.: 43, с. 379-380].

Помнили о Дмитрии Донском и в постпетровскую эпоху. В 1754 году в ходе подготовки к иллюминации, посвященной рождению великого князя (будущего царя) Павла Петровича, по проекту М. В. Ломоносова были изготовлены несколько бюстов («грудных статуй») «вечнодостоинных памяти монархов, которые своими заслугами к построению высокого храма Российской империи великую площадь изготовили». Подготовленный ученым-энциклопедистом список из 14 имен открывал Петр I, а завершал Рюрик. Дмитрий Донской шел восьмым, и примечательно, что вопреки принятому в данном случае общему принципу обратной хронологии его место располагалось сразу после Александра Невского [18, с. 569].

Еще в одном проекте М. В. Ломоносова – составленном им для Екатерины II перечне сюжетов из русской истории, на которые предполагалось написать картины, – упоминалось «Начало сражения с Мамаем». Вот так выглядело предложенное ученым описание будущего полотна, которое должно было украсить один из дворцов императрицы: «С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой – татарские. В фогрунде (первый ряд – *Р. С.*) великий князь Дмитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челу-бей, росток как Голиаф, сражается с Пересветом, чернцом-схимником. Оба друг друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске». Само собой, что и в этом случае среди списка и описаний будущих полотен присутствовал Александр Невский и связанный с ним сюжет победы в Ледовой битве [17, с. 370, 369].

Справедливости ради отметим, что интерес М. В. Ломоносова к Дмитрию Донскому уступал его вниманию к образу Александра Невского, однако масштабность личности победителя Мамаея все же привлекала энциклопедиста. Это отразилось в отсылках к исторической памяти о создателе русского единства, имеющих в вышедших из под пера ученого одах, а также в составленных им по разным торжественным поводам надписям [18, с. 570, 748]. Более того, события, сформировавшие контекст Куликовской битвы, стали историческим фоном для написанного им драматического произведения с вымышленным сюжетом – трагедии в стихах «Тамира и Селим» (1750) [18, с. 292-364]. В ее финале автор дал краткое, но очень эмоциональное художественное описание самого сражения 8 сентября 1380 г. Работая над своим произведением, М. В. Ломоносов, используя опыт европейской и классической драмы, одновременно обратился к поэтическим средствам русского народного творчества (былины), а также к российским историческим источникам (летописи). В результате автор сознательно вводил в повествование патриотическо-национальную тему [18, с. 973, комм. 166], а ею как раз и стала Куликовская битва.

Не исключено, что в будущем ученый предполагал посвятить «Мамаеву побоищу» отдельное масштабное стихотворное произведение. Во всяком случае на это указывает небольшой (в две строки) сохранившийся собственноручно им написанный отрывок [18, с. 1086-1087, комм. 234]: «Войну хочю воспеть в донских полях кроваву / И князя, что возвиг попрунну нашу славу» [18, с. 641]. Однако в данном случае дальше первоначального замысла дело не пошло: слишком кратким оказался жизненный путь ученого, успевшего так много и одновременно так мало сделать. По той же причине в собственно исторических трудах М. В. Ломоносова Дмитрий Донской, если не считать сведений справочного характера в «Кратком российском летописце» [17, с. 315-316, 354], не упоминается: научных работ, посвященных эпохе второй половины XIV в. исследователь создать просто не успел. Вероятно, этим же объясняется и наличие некоторых исторических неточностей в тексте той же «Тамиры и Селима» (в тексте драмы указано, что на стороне Мамаея выступил умерший еще в 1377 г. Ольгерд [18, с. 302]. Эта ошибка перекочевала в текст из «Синописа» [18, с. 974, комм. 166, прим. 4]: не имея возможности детально разобраться в теме, автор следовал за «Синописом», который, как известно, не всегда безупречен с точки зрения правильности изложения фактов.

Интерес к Куликовской битве значительно усилился в XIX веке, и справедливо будет подчеркнуть, что рассматривать его целесообразно в общем контексте актуализации обращения к наследию русского средневековья. В искусстве рубежа XVIII – XIX вв. постепенно сформировался пантеон его наиболее востребованных героев, и Дмитрий Донской занял среди них достойное место [22, с. 193-194]. Как было сказано выше, еще М. В. Ломоносов для создания в будущем монументального полотна предложил сюжет начала Куликовской битвы. В 1802 г. в учебную программу Академии художеств, предусматривавшую раскрытие с помощью живописи библейской и мифологической темати-

ки, были включены и задания по эпизодам русской истории. Один из них был сформулирован следующим образом: «Представить великого князя Дмитрия Донского, когда по одержании победы над Мамаем оставшиеся князья русские и прочие воины находят его в роще при последнем почти издыхании» [цит. по: 13, с. 40]. Взявшийся за создание такой работы О. А. Кипренский создал картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле», за которую в 1805 г. академическим советом ему была присуждена большая золотая медаль. Помимо него награды получили скульпторы И. Кащенко и И. Воронилов, выполнившие рельефы на такую же тему [13, с. 40–44].

В 1807 г. в Санкт-Петербурге по пьесе знаменитого драматурга В. А. Озерова, о творчестве которого с восторгом упомянул А. С. Пушкин в «Евгении Онегине», была поставлена трагедия «Дмитрий Донской» [26, с. 89]. Ее сюжет был сформирован вокруг Куликовской битвы. Имелась и неизбежная в подобного рода постановке полностью выдуманная любовная линия: Московский и Тверского князь (он также участвовал в сражении с Мамаем) соперничали за благосклонность и руку нижегородской княжны Ксении. Последняя после победы русской рати в сечи стала женой Дмитрия. Впрочем, все эти противоречия историческим реалиям не помешали успеху у зрителей, для которых тема героической борьбы оказалась особенно близка в условиях продолжавшегося противостояния с Наполеоном [3, с. 330–332].

Росту интереса к отечественной истории в значительной степени способствовал общий общественный подъем, вызванный победами русской армии в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе.

К этому добавился выход в продажу в 1818 году первых томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, произведения, сразу же получившего широкую популярность. Все это стимулировало в том числе изыскания краеведческого свойства. В регионе Куликова поля в этом направлении трудился местный просвещенный помещик С. Д. Нечаев (1792–1860), собравший в своем имении собственную коллекцию из находок, которые могли иметь отношение к битве (собрание утрачено после 1917 года). Некоторые из них тогда же были описаны или даже опубликованы в «Вестнике Европы» и «Московском телеграфе». Отдельные артефакты получили в подарок знакомые С. Д. Нечаева, среди которых был и Н. М. Карамзин. В течение XIX века свои коллекции сумели составить и некоторые другие жители региона [23, с. 120–121].

В 1820-х годах возникла идея сооружения на Куликовом поле мемориала. Предполагалось построить храм Сергия Радонежского и памятник. В 1850 году на Красном холме был установлен изготовленный по проекту архитектора А. П. Брюллова памятник-obelisk Дмитрию Донскому. В 1884 году в расположенном при устье Непрядвы селе Монастырщина было завершено наружное строительство каменной церкви Рождества Богородицы, сооруженной на месте существовавших здесь прежде деревянных храмов, созданных в честь того же праздника [33, с. 299]. А в 1913 году на Красном холме, где по преданию находилась ставка Мамаев, был наконец заложен храм преподобного Сергия Радонежского. Проектировал его архитектор А. В. Щусев, представивший купола церкви в виде шоломов русских воинов. Он был освящен уже в 1918 году, но его внутренняя отделка так и не была закончена: помешали революционные события 1917 года [10, с. 304].

Впрочем, мы несколько забежали вперед, и, возвращаясь ко времени публикации труда Н. М. Карамзина, отметим, что он стал стимулом и для создания новых поэтических произведений о Дмитрии Донском. Автором одного из них стал К. Ф. Рылеев, посвятивший великому князю одну из своих «дум» [38, с. 315–318]. Под пером будущего декабриста главный герой был представлен как борец с тиранией, с незаконно установленной властью: «Доколь нам, други, пред тираном / Склонять покорную главу, / И заодно с презренным Ханом / Позорить сильную Москву?». Такая трактовка, конечно, представляла собой очевидную модернизацию [48, с. 53–54], хотя, в то же время, она полностью соответствовала воззрениям самого К. Ф. Рылеева, уже всерьез задумывавшегося об организации выступления против самодержавия и его идеологического обоснования. Обратим внимание на то, что и в этом случае автор сфокусировался именно на противостоянии с Мамаем, не останавливаясь на других эпизодах жизненного пути Дмитрия Ивановича. Необходимо отметить и то, что в этот же период свои стихи этому герою русской истории посвящали и другие поэты: Н. М. Языков, В. Н. Григорьев, В. Розальон-Шосальский, А. Орлов [См. подробно: 3, с. 338–341], В. И. Красов, и всякий раз Куликовская битва оставалась в центре повествования.

Нелишним будет отметить, что актуализация исторической памяти Дмитрия Донского, четко обозначившаяся к исходу первой четверти XIX в., иногда дает современным ученым повод для некото-

рых преувеличений. К таковым, на наш взгляд, относится утверждение, согласно которому Николай I при собственной коронации в 1826 г. «своим поведением подражал» герою Куликовской битвы. Выразилось это в том, что он «целовал крест перед портиком Успенского собора» [22, с. 143]. При этом в тексте дается ссылка на работу Р. С. Уортмана, в книге которого дается пересказ крайне эмоциональных заметок, составленных лично присутствовавшим на торжествах П. П. Свиныным [46, с. 373].

Если же обратиться к первоисточнику – опубликованному по «горячим следам» письму П. П. Свинына, в котором он подробно рассказывает адресату о коронации, то становится ясно, что это сравнение императора с героем древней истории – *личное* впечатление автора, принадлежащая ему метафора: «Чтобы живее представить картину сию, прочти в Карамзине трогательную встречу Димитрия Иоанновича после битвы Куликовской или вообрази сретение юного Михаила на сей же самой паперти, умоленного народом не оставить сиротствующий престол русский» [40, с. 288]. О *личном* характере подобной аналогии свидетельствует и то, что ее не усмотрел присутствовавший там же профессиональный историк М. П. Погодин. Он вообще был настроен гораздо прозаичнее П. П. Свинына, и, отметив в дневнике торжественность момента и священный характер самого действия, не усмотрел в происходящем ничего подобного тому, что увидел издатель «Отечественных записок» [4, с. 35]. Потому вывод о сознательном подражании Дмитрию Донскому со стороны Николая I во время коронации, как представляется, не совсем корректен. С другой стороны, само возникновение подобной аналогии у частного лица говорит о популярности исторической памяти о князе у современников. Примечательно, что и в этом случае речь идет именно об эпизоде, являющемся частью исторического нарратива о Куликовской битве.

Связь исторической памяти о Дмитрии Донском с особо значимой победой русского оружия обусловила в имперский период обращение к поданному им примеру в русской армии и на флоте. Тем более что «новиной» это не было: к опыту князя обращались еще в XV–XVI в. в тех случаях, когда необходимо было поднять боевой дух войска и его военачальников [32, с. 392; 36, стб. 449; 35, с. 499].

Потому не случайно имя Дмитрия Донского в Российской империи не однажды было присвоено военным кораблям, причем каждый из них относился к группе наиболее мощных судов своего времени. Первый – 66-ти пушечный линейный корабль – был спущен на воду в Архангельске (Соломбальская верфь) 17 мая 1771 г. и предназначался для Балтийского флота. Примечательно, что его закладка была совершена в один день (21 сентября 1770 г.) с абсолютно идентичным по техническим характеристикам «собратом», носившим имя «Александр Невский» (достроен на год позже) [8, с. 34]; таким образом, историческая память о двух древнерусских князьях очередной раз пересеклась. В 1772–1775 г. «Дмитрий Донской» находился в дальнем походе в Средиземное море, но непосредственного участия в сражениях русско-турецкой войны 1768–1774 г. его команда не принимала. После этого корабль базировался в Кронштадте, обеспечивая безопасность столицы [49, с. 60]. В ту эпоху «жизнь» изготовленных из дерева парусников не могла быть долгой, и уже через двадцать лет первый из названных именем героя Куликовской битвы корабль был разобран [8, с. 35].

Сложившая на русском флоте славная традиция «передавать» имена обусловила то, что уже в 1809 г. со стапелей в Херсоне был спущен еще один линейный корабль «Дмитрий Донской». Его вооружение составили 74 орудия, строительство под руководством М. И. Суровцева продолжалось более двух лет [8, с. 458, 459], а служба проходила на Черноморском флоте (порт Севастополь), где экипажу пришлось принять участие в боевых действиях русско-турецкой войны 1806–1812 гг. [49, с. 112].

В эпоху паровых машин в состав русского флота дважды входили соименные победителю Мамаю корабли. Первый раз это случилось в 1861 г., когда со стапелей на Галерном островке был спущен деревянный парусно-винтовой фрегат (введен в эксплуатацию в 1862 г.). Обратим внимание на тот факт, что в этот же период на Охте строилось идентичное судно, названное позже... «Александр Невский». Что касается «Дмитрия Донского», то его служба продолжалась до 1871 г.; ее окончание связано с началом эры броневых кораблей, не оставлявших в бою шансов для судов устаревших конструкций [20, с. 73–75]. За эти годы экипаж совершил несколько полных приключений дальних походов [см. об этих плаваниях и происшествиях на судне подробно: 24, с. 388–390; 25, с. 99, 102, 164], в которых принимал участие и молодой гардемарин – будущий адмирал С. О. Макаров [42, с. 35].

Вторым паровым кораблем, принявшим имя «Дмитрий Донской», стал введенный в эксплуатацию в 1886 г. крейсер I ранга. У него тоже имелся «брат-близнец», но он был «крещен» не именем Александра Невского, как можно было бы предположить, а в честь другого древнерусского князя – Владимира Мономаха. Это обусловлено, вероятно, тем, что построенный на Охтинской верфи парус-

но-винтовой фрегат «Александр Невский», о котором было сказано чуть выше, в 1868 г. погиб в результате разыгравшейся бури и неправильно отданных приказов. Экипаж, среди которого находился брат Александра III – великий князь Алексей Александрович, приложил все усилия, чтобы спасти корабль, люди жертвовали собой, но противостоять стихии оказалось невозможно. Большинству команды, в том числе продемонстрировавшему личное мужество великому князю, удалось спастись, но имелись и погибшие [25, с. 33-43]. Моряки – народ суеверный, и, вероятно, поэтому в имперский период военных судов, носивших имя Невского героя, более не строилось (в 1870 г. был заложен парусно-винтовой корвет «Александр Невский», но еще до спуска на воду судно переименовали в «Герцога Эдинбургского» – Р. С.) [см.: 6. С. 81], и уже начавшая складываться традиция строительства одновременно двух кораблей, посвященных князьям-полководцам – Александру Ярославичу и его отважному праправнуку – на время прервалась.

Вернемся к крейсеру «Дмитрий Донской». На его долю выпала трагическая и одновременно героическая судьба. Корабль совершил не один дальний переход, но высшей точкой его боевой работы стало участие в плавании на Дальний Восток в составе Второй Тихоокеанской эскадры З.П. Рожественского и участие в несчастном для России Цусимском сражении, состоявшемся 14 мая 1905 г. [см. подробно: 21, с. 8–32]. После разгрома, который потерпел наш флот, уцелевшие корабли старались пробиться к родным портам, среди них был «Дмитрий Донской». Совершенный его командой геройский подвиг современник справедливо называл «светлым пятном на <...> безотрадном фоне поражений». Пробираясь к Владивостоку, экипаж принимал на борт людей с других терпящих бедствие судов, это приводило к потере времени. В итоге японцы настигли «Дмитрия Донского», который вечером 15 мая вступил в неравный бой против десяти вымпелов. Несмотря на численный перевес противника, ему удалось отбиться. Вражеским кораблям был нанесен урон, они отошли. Но продолжать путь далее было невозможно из-за повреждений и отсутствия боеприпасов, потому было принято решение высадиться на один из островов, после чего, не спуская флага, затопить судно. Это было сделано утром 16 мая [47, с. 142]. К этому стоит добавить, что в 2018 г. погибший в 1905 г. корабль был обнаружен вблизи острова Уллындо на глубине 434 м.

Говоря о сохранении исторической памяти о Дмитрии Донском в имперский период, стоит отдельно упомянуть и еще об одном монументе – памятнике «1000-летие России», установленном в Великом Новгороде. Фигура великого князя на нем представлена дважды: первый раз – в виде скульптуры в среднем ярусе. Дмитрий изображен здесь победителем Орды, перед ним поверженный воин из войска Мамаю, в правой руке князя грозное оружие – шестопер, в левой он держит захваченный в битве почетный трофей – бунчук, который должен был дополнительно подчеркнуть победу в Куликовской битве. Второй раз Дмитрий изображен среди горельефов нижнего яруса (фриза). Рядом с ним видим фигуры Михаила Тверского, литовского князя Кейстута и, конечно, Александра Невского [см.: 27, с. 13-14, 39–40]. Появление фигуры первого из них на монументе понятно и легко объяснимо его ролью в политической истории Руси первой половины XIV в., совершенным им подвигом смирения и готовностью «положить душу за други своя»; второй же был одним из устроителем Литовского государства, которое в XVI в. окончательно влилось в Речь Посполитую, а затем – после разделов Польши и Наполеоновский войн – стало частью Российской империи. Образ Кейстута как бы обосновывал изначальную (еще до резкого сближения с католической Польшей) общность истории России и Литвы, что имело под собой и некоторую историческую основу. Однако очевидно, что Дмитрий Донской при жизни активно враждовал и с Тверью, и с Литвой, потому в таком расположении фигур, казалось бы, есть определенное противоречие. Однако это не так: историческая аккуратность авторов композиции, расположивших поблизости от Дмитрия Донского Михаила Ярославича, погибшего задолго до рождения московского князя, а также Кейстута, который в отличие от своего брата Ольгерда (его скульптурный портрет также имеется на монументе) действовал по большей части на западном направлении против немцев и мало входил в соприкосновение с Русью, позволила свести возникающее противоречие на нет.

Вероятно, в какой-то степени с торжествами в честь 1000-летия России, и возросшим по этому поводу вниманием к одному из ее исторических деятелей – Дмитрию Донскому, связана вдруг разгоревшаяся в середине 1860-х годов историографическая полемика вокруг его личности. Следует подчеркнуть, что историки и ранее не однажды обращались к теме Куликовской битвы и к проблеме реконструкции биографии и политической деятельности победителя Мамаю. Их оценки князя неизменно были положительными. В частности, «Колумб российской истории» – Н. М. Карамзин – не поску-

пились, вслед за летописцем, на положительные характеристики в его адрес, хотя не умолчал и о совершенных князем ошибках [14, с. 62].

В 1833 г. вышел пятый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого, в котором была дана несколько сдержанная характеристика заслуг победителя Мамаю. Автор посчитал, что большую роль в проводимой им политике сыграл митрополит, уход которого из жизни привел ко многим последующим бедам: «Не стало Алексия – предалась прежнему позору Русская земля и постыдной смуте самая церковь православная» [29, с. 69-70]. Н. А. Полевой вскользь выразил и резко негативное отношение к уходу великого князя из Москвы ввиду угрозы набега Тохтамыша: «Он (князь. – *Р.С.*) постыдно бежал» [29, с. 74].

Подобного рода «критика», характер которой, подчеркнем, был довольно мягким, показалась многим совершенно неприемлемой, и построения Н. А. Полевого посчитал нужным дезавуировать в своей специально посвященной Дмитрию Донскому книге Н. Савельев-Ростиславич. Значительная часть объема этого издания посвящена полемике с автором «Истории русского народа» по этому поводу [39, с. 13-15, 74-78, 102-105]. Н. Савельев-Ростиславич постарался объяснить и ситуацию 1382 г., указав на нежелание других князей выполнять данные ранее обещания относительно обязательств выставить войско и ненадежность самих москвичей («пьяной черни»). Здесь же была высказана мысль, вызывающая некоторые коннотации с ситуацией Отечественной войны 1812 г., воспоминание о которой в 1830-х годах были еще очень близки. «...Вопрос состоял в том, надеждами всей земли русской должно ли жертвовать для неверного еще спасения стольного города? Или должно покинуть город и тем выиграть время для собрания войск, могущих защитить целое княжество и, посредственно, всю русскую землю?» [39, с. 77] Этот пассаж должен был помочь современникам лучше понять стоявший перед Дмитрием выбор.

Впрочем, строго говоря, слова Н. А. Полевого едва ли можно истолковать в качестве «нападок» на сформировавшийся образ Дмитрия Донского как национального героя, ведь в целом и его оценки деятельности князя оставались положительными, и такой подход имел характер общепринятого.

«Возмутителем спокойствия» оказался Н. И. Костомаров, опубликовавший в издаваемом Академией наук «Месяцеслове» за 1864 г. статью «Куликовская битва» [15, с. 7-42]. В ней говорилось о том, что в ходе битвы Дмитрий стремился сохранить себя от гибели или плена, в частности, именно этим объясняется его обмен доспехами с Михаилом Бренком [15, с. 34]. На это немедленно отреагировал М. П. Погодин, написавший коллеге письмо, опубликованное в газете «День». В нем прямо говорилось о том, что, по его мнению, «Куликовская битва есть такое событие, и Дмитрий Донской такое лицо, о которых всякому нужно говорить если не с благоговением, то, по крайней мере, с большой осторожностью». Ученый, опираясь на данные летописей, полемизировал с Н. И. Костомаровым по поводу якобы недостаточной отваги Дмитрия Ивановича. Спор на этом, разумеется, не был окончен: оба оппонента продолжили его через печать, подчас переходя на повышенные тона; в дискуссию включились и другие лица [подробно о данной полемике см.: 5, с. 387-405].

Один из противников Н. И. Костомарова, ранее опубликовавший собственный отрицательный отзыв на его материал (журнал «Эпоха». 1864. № 4.), чуть позже, вероятно, вдохновленный развернувшимся спором и звучащими в нем аргументами, издал стихотворную пьесу «Мамаево побоище» [2, с. 1-136]. Ее тон по отношению к Дмитрию был, в соответствии с убеждениями автора, сугубо комплементарным [подробно о пьесе см.: 9, с. 60-69], но объективно говоря, качество этого произведения оставляло желать лучшего, потому воспоминание о нем стерлось достаточно быстро.

Само собой, дебаты, вдруг возникшие вокруг Дмитрия Донского, никак не повлияли на общее сугубо положительное восприятие исторической памяти о нем в обществе и государственной властью. Представляется, что в контексте государственных торжеств, приуроченных к 1000-летию Российской государственности, надлежит рассматривать дизайн введенных в 1860-х годах в обращение денежных знаков образца 1866 г. На одном из них был помещен портрет Дмитрия Донского.

Фактически это произошло в 1869 г., когда на основании соответствующего сенатского указа [30, ст. 567-568, № 45835] началось использование нового пятирублевого кредитного билета, на лицевой стороне которого можно было увидеть изображение князя, скопированное гуашью и тушью французским художником Дютаном с отснятого фотографом Деньером оригинала из Донского монастыря. Клише по рисункам и фото изготовил приглашенный в Россию немецкий мастер Ейзенгардт. Вид купюры, ставшей частью новой «линейки» денежных знаков, на которой оказались представлены великие князья и государи, был утвержден императором еще в 1867 г. Примечательно, что в дан-

ном случае великий князь среди прочих правителей, чьи образы были размещены на деньгах, оказался единственным, принадлежавшим к династии Рюриковичей, тогда как все остальные (последовательно по хронологии «расположившиеся» Михаил Федорович (10 руб.), Алексей Михайлович (25 руб.), Петр Великий (50 руб.), Екатерина II (100 руб.)) относились к царствовавшему в тот период Дому Романовых [подробно о кредитных билетах образца 1866 г. см: 11, с. 81–84, 89–90]. В общем перечне не находим и Александра Невского, даже несмотря на его соименность правившему императору Александру II. Препятствием для этого должна была стать святость князя, по понятиям того времени не позволявшая даже обсуждать всерьез вопрос о помещении его портрета на деньгах. Купюра с Дмитрием Донским была самой «младшей», и тем не менее уже сам факт его «появления» на ней весьма красноречиво свидетельствует о том, насколько актуальной для государственной власти и общества была историческая память о нем. Данная банкнота выпускалась до 1886 г., и была изъята из оборота в ходе проведенного в 1890-1894 гг. обмена [11, с. 84].

Внимание государственной власти к исторической памяти о Дмитрии Донском выразилось в том числе в том, что в 1903 году был издан специальный указ – высочайшее повеление в обязательном порядке совершать в военных частях панихиды по павшим в боях воинам. Если полковые священники отсутствовали, надлежало направлять всех свободных от службы в расположенные по близости приходские храмы. В этом указе имелся и пункт, согласно которому «офицеры должны в тот же день объяснять нижним чинам значение церковного поминовения, обращая внимание на важнейшие битвы из истории нашего Отечества (Куликовская, Полтавская, Бородинская и т.д.) [31, с. 909, № 23379].

В начале Первой мировой войны образ богатыря – Дмитрия Донского, окончательно ставшего одним из символов славной истории русской армии, был использован К. А. Коровиным при создании агитационного плаката, призывающего жертвовать средства для раненых и семей погибших солдат [12]. Этот сбор проводился по инициативе Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, находившегося под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Образ древнерусского князя на плакате как бы подчеркивал «судьбоносный характер начавшейся мировой войны», аналогом которой в данном случае была представлена борьба за избавления Руси от ордынской зависимости [22, с. 284].

Новую жизнь получила и созданная еще в начале XIX в. пьеса В. А. Озерова: ее как отклик на происходившие события поставил на сцене своего театра Ф. Ф. Комиссаржевский [16, с. 54].

Говоря об исторической памяти о Дмитрии Донском, невозможно согласиться с выводом Е. А. Ростовцева и Д. А. Сосницкого о том, что в имперский период историография, художественная и публицистическая литература теряли интерес к личности Дмитрия Донского [37, с. 1151]. Это мнение выглядит странно, учитывая то, что сами ученые в своем исследовании провели весьма добротный разбор анализ посвященных князю работ [37, с. 1151-1153], один перечень которых, как представляется, опровергает сделанное ими итоговое заключение. Да что там историография! В 1909 г. Дмитрий Донской стал даже героем одной из кинокартин, снятой режиссером К. Ганзенем. Это была скромная лента, повествующая о выдуманном эпизоде – спасении от набега ордынцев семьи крестьянина. Помощь ему оказал отряд, во главе которого стоял сам великий князь [1, с. 209]. Обратим внимание, что создатели картины не стали обращаться к теме Куликовской битвы. Это объясняется, конечно, отсутствием возможности для масштабных съемок. Само обращение именно к образу Дмитрия является довольно показательным, поскольку оно явно подразумевало, что зритель сразу же поймет, о ком идет речь, и сопоставит происходящее на экране со своими представлениями о великом князе как борце с Ордой.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что историческая память о Дмитрии Донском изначально в наибольшей степени оказалась связана с его воинскими заслугами – победой на Куликовом поле. Это вполне объяснимо: победа русского войска 1380 г. имела совершенно особенное значение для и для современников, и для потомков. Она довольно быстро приобрела легендарный характер, и не удивительно, что память о Дмитрии, сумевшем сплотить силы отдельных княжений, ассоциировалась в первую очередь именно с этой битвой. Речи о его официальном прославлении как святого и даже о почитании народном *как подвижника* при этом не шло, хотя в качестве христианского подвига книжники ставили ему в заслугу праведную жизнь. Отметим также, что имя князя встречается в некоторых иконописных подлинниках [41, с. 54; 28, с. 101 (пагинация обозначена церковно-славянскими цифрами)]. – Примечательно, что в обоих источниках не верно указана дата смерти (преставления) великого князя,

который именуется в тексте «московским чудотворцем» – 9 мая вместо 19-го. – *Р. С.*], но, даже несмотря на это, вопрос о его канонизации не стоял.

Образ Дмитрия со времен средневековья воспринимался в некой «связке» с памятью об Александре Невском. Актуальность своего рода «соотнесения» этих двух национальных героев сохранялась и в имперский период истории нашей страны, когда на ряде примеров также возможно проследить «пересечение» восприятия исторической памяти о них. При этом Александр Невский, культ которого – и церковный и светский – имел по-настоящему государственный характер, имел безусловное первенство. Забегая вперед, следует сказать, что выше сказанное в значительной степени справедливо и для советского времени, но это уже другая история.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аброськин А.* Несколько слов о кинематографе // Вестник Пензенского Земства. 1915. № 10/11. 17 мар. С. 208–210.
2. *Аверкиев Д. В.* Мамаево побоище. Летописное сказание. (Картины русской жизни XIV в.) В стихах // Эпоха. Журнал литературный и политический. 1864. № 10. С. 1–136.
3. *Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.
4. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1889. 420 с.
5. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 21. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1907. 463 с.
6. *Бережной С.* Династии имен // Морской сборник. 2001. № 3. С. 76–79.
7. *Борисов Н. С.* Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014. 507 с.
8. *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1870 г. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872. 754 с.
9. *Гетман Ю. С.* Пьеса Д. В. Аверкиева «Мамаево побоище. Летописное сказание. (Картины русской жизни XIV века)»: сюжет, композиция, жанровая специфика // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2014. Вип. 3(2). С. 60–69.
10. *Гриценко В. П., Наумов А. Н.* Музей-заповедник «Куликово поле» // Труды Государственного Исторического музея. М.: Государственный исторический музей, 2005. Вып. 150. С. 300–310.
11. *Денисов А. Е.* Бумажные денежные знаки России. 1769–1917. Ч. 2. Государственные денежные знаки 1840–1896 гг. М.: Издательский дом «Финансы и кредит», Финансовая инвестиционная компания «Феннинова», 2003. 140 с.
12. Жертвуйте жертвам войны. Дмитрий Донской. [Плакат] / Худ. К. А. Коровин. [Б. м., Тип. А. А. Левинсон], 1914.
13. *Зименко В. М.* Орест Адамович Кипренский. М.: Искусство, 1988. 346 с.
14. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского в 12-ти т. Т. V. М.: Наука, 1993. 555 с.
15. *Костомаров Н. И.* Куликовская битва // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. III. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1867. С. 3–42.
16. *Крыжицкий Г. К.* Режиссерские портреты. М.; Л.: Театропечать, 1928. 103 с.
17. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 6. 690 с.
18. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 8. 1279 с.
19. *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского: разбор редакций и тексты. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1913. 137 с.
20. *Мельников Р. М.* Винтовой фрегат «Дмитрий Донской» // Судостроение. 2002. № 4. С. 73–75.
21. *Мельников Р. М.* Крейсер I ранга «Дмитрий Донской». СПб.: Издательство «Гангут», 1995. 32 с.
22. Мобилизованное средневековье. Т. II. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / Под ред. А. И. Филошкина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 560 с.
23. *Наумова Т. В.* Археологические древности и тульская интеллигенция первой половины XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2014. № 3. С. 115–126.
24. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота в 1850–1868 годах. Т. I. СПб.: Тип. Морского Мин-ва, 1871. 701 с.
25. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота в 1850–1868 годах. Т. II. СПб., 1871. 751 с.
26. *Озеров В. А.* Димитрий Донской. Трагедия в пяти действиях. Представлена в первый раз на Санкт-Петербургском придворном театре 14 января 1807 года. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1823. 89 с.
27. Памятник Тысячелетию государства Российского. Новгород: Тип. Новгор. губ. правл., 1878. 52 с.
28. Подлинник иконописный / Под ред. А. И. Успенского. М.: Изд. С. Т. Большакова, 1903. 184 с.
29. *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. III. М.: Вече, 1997. 763 с.

30. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLIII. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1873. № 44, 14 мая, ст. 567-568, №45835.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение I. Дополнения. СПб.: Гос. тип., 1909. С. 909, № 23379.
32. Послание на Угрю Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. С. 387–399.
33. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула: Тип. Соколова и Фортунатова, 1895. 781 с.
34. Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. 676 с.
35. ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
36. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
37. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // *Quaestio Rossica*. Т. V. 2017. № 4. С. 1149–1163.
38. *Рылеев К. Ф.* Дмитрий Донской // *Сын Отечества*. 1822. № 40. С. 315–318.
39. *Савельев-Ростиславич Н.* Дмитрий Иоаннович Донской первоначальник русской славы. М.: Тип. Н. Степанова, 1837. 157 с.
40. *Свиньин П. П.* Московские современные летописи. Переписка издателя «Отечественных записок» // *Отечественные записки*. 1826. № 27. С. 280–290.
41. Сводный иконописный подлинник XVIII в. по списку Г. Филимонова. М.: О-во древнерус. искусства, 1874. 435 с.
42. *Семанов С. Н.* Макаров. М.: Молодая гвардия, 1972. 288 с.
43. *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
44. *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710-1720-е годы // *Вестник Удмуртского государственного университета*. 2014. № 5-3. С. 18–24.
45. *Соколов Р. А.* Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // *Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах* / Науч. ред. Ж. Г. Белик, Р. А. Соколов. М.: Лето, 2021. С. 198–241.
46. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
47. *Худяков П. К.* Путь к Цусиме. М.: Типо-лит. Русского Товарищества, 1907. 220 с.
48. *Цырина Т. В.* Исторические воззрения декабристов // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (49). С. 45–55.
49. *Чернышев А. А.* Российский парусный флот. Справочник в 2-х томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. 314 с.

Поступила в редакцию 17.06.2022

Соколов Роман Александрович, доктор исторических наук, директор
Института истории и социальных наук
РГПУ (Российский государственный педагогический университет) им. А. И. Герцена
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, 6
E-mail: romansokolow@mail.ru

R.A. Sokolov

HISTORICAL MEMORY OF DMITRY DONSKOY IN THE RUSSIAN EMPIRE

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-58-69

The public perception of the historical image of Dmitry Donskoy, which developed in the medieval period, was further developed in the imperial era. The symbolic connection of the prince with Alexander Nevsky remained relevant; as before, the question of the possible canonization of the victor over Mamai was not raised. The image of the prince firmly entered the ideological coordinate system of the Russian Empire, and the absence of an officially recognized “status” allowed the state to use it where the image of Alexander Nevsky could not appear (for example, on banknotes). This also contributed to the fact that the historical experience of Dmitry Ivanovich was positively perceived by some anti-monarchist cultural figures (for example, K. F. Ryleev). At the same time, Dmitry was not a national hero of the first plan and always remained in the shadow of his descendant – Alexander Nevsky, who was much more widely revered

both at the state and church level.

The research was carried out with the financial assistance of the Russian Science Foundation, project No. 21-48-04402.

Keywords: Dmitry Donskoy, historical memory, history of the Russian Empire, history of Russia, Battle of Kulikovo, national heroes of Russia.

REFERENCES

1. *Abros'kin A.* Neskol'ko slov o kinematografe [A few words about cinema]. Vestnik Penzenskogo Zemstva [Bulletin of Penza Zemstvo], 1915, no. 10/11, 17 march, pp. 208–210. (In Russian).
2. *Averk'iev D. V.* Mamaevo poboishche. Letopisnoe skazanie. (Kartiny russkoj zhizni XIV v.) V stihah [Mamaev battle. Chronicle story. (Pictures of Russian life of the XIV century) In verse]. Epoha. Zhurnal literaturnyj i politicheskij [Epoch. Literary and political magazine], 1864, no. 10. Pp. 1–136.
3. *Amel'kin A. O., Seleznev Yu. V.* Kulikovskaya bitva v svдетель'stvah sovremennikov i pamyati potomkov [The Kulikovo Battle in the Testimonies of Contemporaries and the Memory of Descendants]. Moscow, Kvadriga Publ., 2011. 684 p.
4. *Barsukov N.* Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [The life and works of M.P. Pogodin.]. Vol. 2. St. Petersburg, Pogodin i Stasyulevich Publ., 1889, 420 p.
5. *Barsukov N.* Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [The life and works of M.P. Pogodin.]. Vol. 21. St. Petersburg, Pogodin i Stasyulevich Publ., 1907, 463 p.
6. *Berezhnoj S.* Dinastii imen [Dynasties of names]. Morskoy sbornik [Marine collection], 2001, no. 3. Pp. 76–79.
7. *Borisov N. S.* Dmitrij Donskoj [Dmitry Donskoy]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014, 507 p.
8. *Veselago F. F.* Spisok russkih voennyh sudov s 1668 po 1870 g. [List of Russian military courts from 1668 to 1870]. St. Petersburg, Morskogo ministerstva Publ., 1872, 754 p.
9. *Getman Yu. S. P'esa D. V.* Averkieva "Mamaevo poboishche. Letopisnoe skazanie. (Kartiny russkoj zhizni XIV veka)": syuzhet, kompoziciya, zhanrovaya specifiika [Piece D. V. Averkieva "Mamaev's Massacre. Chronicle story. (Pictures of Russian life of the XIV century)": plot, composition, genre specifics]. Naukovi zapiski Harkivs'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi. Ser.: Literaturoznavstvo [Scientific notes of Kharkiv National Pedagogical University named after G.S. Skovorodi. Ser.: Literary studies]. 2014, no. 3(2), pp. 60–69.
10. *Gricenko V. P., Naumov A. N.* Muzej-zapovednik "Kulikovo pole" [Memorial estate "Kulikovo field"]. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, Gosudarstvennyj istoricheskij muzej Publ., 2005, Vyp. 150, pp. 300–310.
11. *Denisov A. E.* Bumazhnye denezhnye znaki Rossii. 1769-1917. CH. 2. Gosudarstvennye denezhnye znaki 1840-1896 gg. [The Russian paper money of 1769-1917. Part 2. The state paper currency of 1840-1896]. Moscow, "Finansy i kredit", Finansovaya investicionnaya kompaniya "Fenninova" Press, 2003, 140 p.
12. Zhertvujte zhertvam vojny. Dmitrij Donskoj [Donate to victims of war. Dmitry Donskoy]. [Plakat]. Hud. K.A. Korovin. [B.m., A.A. Levinson Printing House], 1914.
13. *Zimenko V. M.* Orest Adamovich Kiprenskij [Orest Adamovich Kiprensky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, 346 p.
14. *Karamzin N. M.* Istoriya Gosudarstva Rossijskogo v 12-ti t. [History of the Russian State in 12 volumes]. Vol. V. Moscow, Nauka Publ., 1993, 555 p.
15. *Kostomarov N. I.* Kulikovskaya bitva [Battle of Kulikovo]. Kostomarov N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniya Nikolaya Kostomarova [Kostomarov N. I. Historical monographs and studies of Nikolai Kostomarov]. Vol. III. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikova Press, 1867, pp. 3–42.
16. *Kryzhickij G. K.* Rezhisserskie portrety [Director's portraits]. Moscow, Leningrad, Teakinopechat' Publ., 1928, 103 p.
17. *Lomonosov M. V.* Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. [Complete works: In 11 vols.]. Vol. 6. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk SSSR Press, 1952, 690 p.
18. *Lomonosov M. V.* Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. [Complete works: In 11 vols.]. Vol. 8. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk SSSR Press, 1959, 1279 p.
19. *Mansikka V. P.* Zhitie Aleksandra Nevskogo: Razbor redakcij i teksty [Life of Alexander Nevsky: Analysis of editions and texts]. St. Petersburg, Obshchestvo lyubitelej drevnej pis'mennosti Publ., 1913, 137 p.
20. *Mel'nikov R. M.* Vintovoj fregat «Dmitrij Donskoj» [Melnikov R. M. Screw frigate "Dmitry Donskoy"]. Sudostroenie [Shipbuilding], 2002, no. 4, pp. 73–75.
21. *Mel'nikov R. M.* Krejser I ranga "Dmitrij Donskoj" [Cruiser I rank "Dmitry Donskoy"]. St. Petersburg, "Gangut" Press, 1995, 32 p.
22. Mobilizovannoe srednevekov'e. T. II. Srednevekovaya istoriya na sluzhbe nacional'noj i gosudarstvennoj ideologii v Rossii [Mobilization of the Middle Ages. Vol. 2. Medieval History in the Service of the National and State Ideology in Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press 2022, 560 p.
23. *Naumova T. V.* Arheologicheskie drevnosti i tul'skaya intelligenciya pervoj poloviny XIX v. [Archaeological antiquities and the Tula intelligentsia of the first half of the 19th century]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University.]. Series 8. Istoriya, 2014, no. 3. Pp. 115–126.

24. Obzor zagranichnyh plavanij sudov russkogo voennogo flota v 1850-1868 godah. [Overview of the overseas voyages of the Russian Navy ships from 1850 to 1868]. Vol. I. St. Petersburg, Morskogo Min-va Printing House, 1871, 701 p.
25. Obzor zagranichnyh plavanij sudov russkogo voennogo flota v 1850-1868 godah [Overview of the overseas voyages of the Russian Navy ships from 1850 to 1868]. Vol. II. St. Petersburg, Morskogo Min-va Printing House, 1871, 751 p.
26. *Ozerov V. A.* Dimitrij Donskoj. Tragediya v pyati dejstviyah. Predstavlena v pervyj raz na Sankt-Peterburgskom pridvornom teatre 14 genvary 1807 goda [Ozerov V. A. Dmitry Donskoy. Tragedy in five acts. Presented for the first time at the St. Petersburg Court Theater on January 14, 1807]. St. Petersburg, Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennih del Printing House, 1823. 89 p.
27. Pamyatnik Tysyacheletiyu gosudarstva Rossijskogo [Monument to the Millennium of the Russian State]. Novgorod: Novgor. Gub. Pravl. Printing House, 1878. 52 p.
28. Podlinnik ikonopisnyj [Icon-painting original]. Moscow, S. T. Bol'shakova Press, 1903, 184 p.
29. *Polevoj N. A.* Istoriya russkogo naroda [History of the Russian people]. Vol. III. Moscow, Veche Publ., 1997, 763 p.
30. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Assembly 2-e. Vol. XLIII. St. Petersburg, II otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii Printing House, 1873. № 44, 14 maya, st. 567 568, no. 45835.
31. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Assembly 3-e. Vol. XXIII. Otdelenie I. Dopolneniya. St. Petersburg, Gosudarstvennaya Printing House, 1909. P. 909, no. 23379.
32. Poslanie na Ugru Vassiana Rylo [The Message to Ugra by Vassian Rylo]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of Literature of Ancient Rus']. Vol. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Pp. 387–399.
33. Prihody i cerkvi Tul'skoj eparhii: izvlechenie iz cerkovno-prihodskih letopisej [Parishes and churches of the Tula diocese: extract from church-parish chronicles]. Tula: Sokolova i Fortunatova Printing House, 1895, 781 p.
34. Propovedi Gavriila Buzhinskogo (1717–1727). Istoriko-literaturnyj material iz epohi preobrazovanij [Sermons of Gabriel Buzhinsky (1717-1727). Historical and literary material from the era of transformations]. Yur'ev: K. Mattisena Printing House, 1901, 676 p.
35. PSRL. Vol. 13. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu. (Prodolzhenie) [Complete collection of Russian annals. Vol. 13. Chronicle collection, called the Patriarch or Nikon Chronicle (Continuation)]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 532 p.
36. PSRL. Vol. 19. Istoriya o Kazanskom carstve. (Kazanskij letopisec). [Complete collection of Russian annals. Vol. 19. History of the Kazan kingdom. (Kazan chronicler)]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 328 p.
37. *Rostovcev E. A., Sosnickij D. A.* «Kulikovskij plen»: obraz Dmitriya Donskogo v nacional'noj istoricheskoj pamyati [“The Kulikovo captivity”: the image of Dmitry Donskoy in national historical memory]. Quaestio Rossica [Quaestio Rossica]. Vol. V. 2017, no. 4, pp. 1149–1163.
38. *Ryleev K. F.* Dmitrij Donskoj [Dmitry Donskoy]. Syn Otechestva [Son of the Fatherland]. 1822, no. 40, pp. 315–318.
39. *Savel'ev-Rostislavich N.* Dmitrij Ioannovich Donskoj pervonachal'nik russkoj slavy [Dmitry Ioannovich Donskoy the founder of Russian glory]. Moscow, N. Stepanova Printing House, 1837, 157 p.
40. *Svin'in P. P.* Moskovskie sovremennye letopisi. Perepiska izdatelja “Otechestvennyh zapisok” [Moscow Modern Chronicles. Correspondence of the publisher of Otechestvennyye zapiski] // Otechestvennyye zapiski [Annals of the Fatherland]. 1826, no. 27, pp. 280–290.
41. Svodnyj ikonopisnyj podlinnik XVIII v. po spisku G. Filimonova [Consolidated icon-painting reference book of the 18th century. According to the list of G. Filimonov]. Moscow, O-vo drevnerus. Iskusstva Publ., 1874, 435 p.
42. *Semanov S.N.* Makarov [Makarov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1972, 288 p.
43. *Sirenov A. V.* Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII v. [Book of Degrees and Russian Historical Thought of the 16th-18th centuries] Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arheo Publ., 2010, 545 p.
44. *Sokolov R. A.* Aleksandr Nevskij v gosudarstvennoj i cerkovnoj ideologii v 1710-1720-e gody [Sokolov R. A. Alexander Nevsky in the state and church ideology in the 1710-1720s]. Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Udmurt State University]. 2014. № 5–3. Pp. 18–24.
45. *Sokolov R. A.* Zhizn' posle smerti: proslavlenie Aleksandra Nevskogo v like svyatyh [Life after death: the glorification of Alexander Nevsky in the face of saints]. Blagovernij velikij knyaz' Aleksandr Nevskij: Blistaya slavoyu na zemle i na nebesakh [Holy blessed Grand Duke Alexander Nevsky: Shining with glory on earth and in heaven]. Moscow, Leto Publ., 2021, pp. 198–241.
46. *Uortman R. S.* Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. Vol. I. Ot Petra Velikogo do Nikolaya I. [Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy. Vol. I: From Peter the Great to the Death of Nicholas I] Moscow, OGI Publ., 2002, 608 p.
47. *Hud'yakov P. K.* Put' k Tsusime [Way to Tsushima]. Moscow, Tipo-lit. Russkogo Tovarishchestva Publ., 1907, 220 p.
48. *Cymrina T. V.* Istoricheskie vozzreniya dekabristov [Historical views of the Decembrists]. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota Publ., 2011, no. 6 (49), pp. 45–55.

49. *Chernyshev A. A.* Rossijskij parusnyj flot. Spravochnik v 2-h tomah [Russian sailing fleet. In 2 volumes]. Vol. Moscow, Voenizdat Publ., 1997, 314 p.

Received 17.06.2022

Sokolov R.A., Doctor of History, Director
Institute of History and Social sciences of the Herzen State Pedagogical University of Russia
Chief Researcher, Saint Petersburg State University.
Herzen State Pedagogical University of Russia
Kazanskaya st., 6, St. Petersburg, Russia, 191186
E-mail: romansokolow@mail.ru